

М. Н. Батрдок

магистрант

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

mbatrdoc@mail.ru

А. Г. Мирошников

магистрант

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Москва, Россия

a.g.miroshnikoff@gmail.com

«АХ ПУШКИН, ПУШКИН»: ПУШКИНСКИЙ СЛЕД В ТЕКСТАХ А. И. ВВЕДЕНСКОГО И Д. И. ХАРМСА

Аннотация. В статье рассматривается функционирование образа А. С. Пушкина в текстах А. И. Введенского и Д. И. Хармса, а также случаи использования ими различных аллюзий на пушкинские тексты.

Ключевые слова: русская литература; А. С. Пушкин; ОБЭРИУ; А. И. Введенский; Д. И. Хармс.

Декларируемое стремление разорвать всяческие связи с предшествующей культурной традицией путем разрушения этой традиции в своем творчестве – черта, присущая представителям русского литературного авангарда в целом и обэриутам в частности. Так, в декларации 1928 г. участники Объединения Реального Искусства призывают смотреть на предмет «голыми глазами», чтобы очистить его от «ветхой литературной позолоты» [3, с. 458]. Тем не менее, в своей творческой практике обэриуты сознательно устанавливают широкий спектр интертекстуальных отношений с произведениями предшественников.

В данной статье мы, учитывая существующие исследования, предпринимаем попытку обзора роли наследия А. С. Пушкина в произведениях А.И. Введенского и Д.И. Хармса в двух аспектах: во-первых, рассматриваем непосредственно отсылки к творчеству писателя, под которыми подразумеваются обнаруживающиеся у Введенского и Хармса цитаты, аллюзии и реминисценции; во-вторых, проводим анализ образа самого Пушкина, который возникает в текстах обозначенных авторов неожиданно часто.

В разговоре о взаимоотношениях Хармса с творчеством Пушкина в первую очередь вспоминаются знаменитые «Анекдоты из жизни Пушкина», в которых абсурд сюжетных конструкций сочетается с явной иронией по

поводу мифологизации образа поэта: «У Пушкина было четыре сына, и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и все время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле...» [8, с. 467].

Версий происхождения этих текстов существует несколько, однако сама форма «анекдотов», своеобразно пародирующая мемуарный жанр и жанр исторических анекдотов, говорит в пользу теории О. Лекманова, который приводит в качестве одного из литературных источников этого хармсовского текста книгу В.В. Вересаева «Пушкин в жизни» [7, с. 244–247]. Интересно то, насколько отрывочные воспоминания пушкинских современников, часто наполненные незначительными бытовыми подробностями, напоминают малую прозу самого Хармса (имеется в виду в первую очередь цикл «Случаи»). Таким неожиданным образом Хармс в каком-то смысле проводит некую линию, связывающую литературу пушкинской эпохи и собственные сочинения.

В первую очередь имя Пушкина упоминается в текстах Хармса в ироническом ключе, но нужно ясно понимать, по поводу чего именно иронизирует он в своих текстах. Замечателен прозаический отрывок «О Пушкине», герой-рассказчик которого никак не может решить, о ком ему нужно рассказать, потому что у него не получается решить, кто из потенциальных героев рассказа более велик: «Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь. <...> Но после Гоголя писать о Пушкине как-то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу» [8, с. 472]. Здесь явно считывается ирония по поводу «ранжирования» отечественной классики по принципу ее соответствия или несоответствия идеологическим запросам.

Совершенно лишая в своих текстах имя Пушкина какого-либо идеологического окраса и отказываясь от преклонения перед именем поэта, Хармс словно возвращает творчеству Пушкина вневременной характер в ту эпоху, когда его имя активно пытались встроить в ряд актуальных идеологем.

Относительно использования имени Пушкина А.И. Введенским можно сказать, что, хотя оно используется всего несколько раз во всем дошедшем до нас корпусе его произведений, значение его для поэта достаточно велико. Особенно примечателен один из финальных текстов Введенского «Где. Когда», в котором слово «Пушкин» употребляется шесть раз. Следует подробнее остановиться именно на этом произведении.

Лирический сюжет двухчастного стихотворения представляет описание прощания человека с миром и следующей за этим смерти. На протяжении первой части стихотворения под названием «Где» этот человек описывается с точки зрения некоего третьего лица. Вторая часть, называемая «Когда», описывает непосредственно сам момент смерти и содержит в себе немаловажную деталь, а именно: будто бы случайную оговорку, допущенную рассказчиком, по которой можно понять, что описываемый герой и герой-

176 | рассказчик суть один и тот же персонаж. Именно в этот момент впервые в тексте появляется имя Пушкина: «Он припомнил все как есть наизусть. Я забыл попрощаться с прочим, т. е. он забыл попрощаться с прочим. Тут он вспомнил, он припомнил весь миг своей смерти. <...> Всю ту – суету. Всю рифму. Которая была ему верная подруга, как сказал до него Пушкин. Ах Пушкин, Пушкин, тот самый Пушкин, который жил до него» [2, т. 2, с. 72].

Образ Пушкина в этом тексте, являющемся своеобразным поэтическим «завещанием», становится неким архетипом Поэта, с которым связываются и его исторический прототип, и сам Введенский. А самое начало произведения оказывается аллюзией на пушкинский «Памятник»: «Где он стоял опершись на статую. <...> Он сам обращался в статую. Он крови не имел» [2, т. 2, с. 70]. Статуя, упоминаемая в этом отрывке, становится тем самым нерукотворным памятником, на который опирается поэт, стремящийся оставить свое имя в истории. Но и сам поэт превращается в статую, становясь с течением времени мифом, а порой – идеологическим образом (см. замечания по поводу «Анекдотов...» и «О Пушкине» Хармса).

Главная характерная особенность, с которой сталкиваются исследователи интертекстуальности в творчестве Введенского, обозначена в монографии С. Г. Бурова и Л.С. Ладенковой: «Интертекстуальность у Введенского обусловлена его ассоциативным мышлением и обыгрыванием не отдельных чужих строк или реакцией на них, а смысловых комплексов <...> Каждое такое интертекстуальное включение автономно, между ними отсутствуют привычные логические взаимосвязи» [1, с. 18].

Чтобы наглядно показать справедливость этого утверждения, приведем отрывок из начала «Ответа богов»:

*жили были в Ангаре
три девицы на горе
звали первую светло
а вторую помело
третьей прозвище Татьяна
так как дочка капитана.*

[2, т. 1, с. 69]

Здесь легко обнаруживаются связи сразу с тремя знаковыми произведениями Пушкина. В первую очередь, это «Сказка о царе Салтане», прозрачность отсылки к которой прослеживается не только в возникающем изначально образе трех девиц, но и благодаря последующему появлению жениха, который «видит лучшую из них», а также посредством прямой цитаты («говорит одна девица»). Второй текст Пушкина, к которому явно апеллирует Введенский, называя одну из героинь Татьяной, – «Евгений Онегин». Наконец, сочетание «дочка капитана» недвусмысленно отсылает читателя к пушкинской «Капитанской дочке». При этом логические взаимосвязи между данными

интертекстуальными явлениями в самом деле нарушены: так, например, алогично объяснение прозвища (не имени) Татьяны тем, что она – дочь капитана, но в то же время взаимосвязь этих элементов обеспечивает указание одновременно на два пушкинских претекста.

Одно из последних оконченных произведений Введенского – «Элегия», написанная в 1940 г. Анализу интертекстуальности этого текста посвящены отдельные исследования. В данной статье мы лишь кратко обозначим ряд связей с творчеством Пушкина, которые присутствуют в произведении. Прежде всего, следует отметить, что «Элегия», по мнению близкого к обзорам философа Я.С. Друскина, может трактоваться ясно и четко, в духе классической традиции русской литературы, начатой еще Державиным [4, с. 94]. В самом эпиграфе «Элегии» («Так сочинилась мной элегия / о том, как ехал на телеге я» [2, т. 2, с. 68]) прослеживается, помимо почти что прямой ссылки на одноименное стихотворение 1927 г. соратника по ОБЭРИУ Игоря Бахтерева, аллюзия к «Телеге жизни» Пушкина. В то же время, вслед за К. Ичин, можно выявить в «Элегии» связь с пушкинским «Пиром во время чумы» [5, с. 217–227]. В таком случае «телега жизни» становится телегой, появляющейся у Пушкина в авторской ремарке: «Едет телега, наполненная мертвыми телами. Негр управляет ею» [6, т. 7, с. 176]. Такая трактовка уже напрямую связана с лейтмотивом смерти, пронизывающим произведение Введенского. С первой строфы «Элегии» в сознании читателя возникают устойчивые ассоциации с кавказской темой в творчестве писателей XIX в.:

*Осматривая гор вершины,
их бесконечные ариины,
вином налитые кувшины,
весь мир, как снег, прекрасный*

[2, т. 2, с. 68].

Межтекстовые связи явственно устанавливаются в данном случае с такими произведениями Пушкина, как, например, «Кавказ» и «Обвал». В первом катрене второй строфы содержится отсылка к одиннадцатой части пушкинской «Осени»:

*Вот воин, плавая навагой,
наполнен важною отвагой,
с морской волнующейся влагой
вступает в бой неравный*

[Там же].

Под воином может подразумеваться поэт, а под борьбой с морской стихией – процесс стихотворчества, если мы обратимся к обозначенному тексту Пушкина:

*И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,*

<...>

*Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны*

[6, т. 3, с. 320].

Возвращаясь к «Пиру во время чумы», нельзя не заметить, что Введенский вступает в диалог с данным текстом практически на протяжении всей «Элегии». Так, в той же второй строфе образ «морской волнующейся влаги» соотносится с «разъяренным океаном» из гимна чуме, сочиненного Председателем. Сам факт воспевания чумы во время пира у Пушкина («Итак, – хвала тебе, Чума / Нам не страшна могилы тьма / Нас не смутит твое призванье!» [6, т. 7, с. 172]), возможно, находит отражение в следующих строках «Элегии»:

*Беспечную забыли трезвость,
воспели смерть, воспели мерзость*

[2, т. 2, с. 69].

Завершающая фраза из песни Председателя («Бокалы пеним дружно мы / И девы-розы пьем дыханье, – / Быть может... полное Чумы!» [6, т. 7, с. 172]) вместе с тем коррелирует с другим фрагментом «Элегии»: «вдыхая воздух музыкальный – / вдыхаешь ты и тленье» [2, т. 2, с. 69].

Хармс, во многом преследующий схожие поэтические задачи, на удивление часто использует пушкинские мотивы в своих произведениях для детей. Достаточно вспомнить «Неожиданный улов», где сюжет во многом является пародийным парафразом пушкинского «Утопленника». В подобных примерах видна все та же ирония, которую можно отыскать в тех текстах Хармса, где Пушкин предстает главным героем. Однако не следует забывать о том, что иронизировал обэриут в первую очередь над мифом о Пушкине, а также над его образом, сложившимся в массовом сознании: достаточно вспомнить миниатюру «Пушкин и Гоголь», которая пародирует литературный миф о том, что русская литература начинается с Пушкина и Гоголя и представляет собой борьбу двух этих традиций [см. 8, с. 449]. Хармс, сам склонный к жизнетворчеству и мифологизации собственного образа, будто бы пытается очистить имена предшественников от мифов, которые препятствуют чистому восприятию их творчества.

В этом смысле интересны случаи обращения Хармса к Пушкину во «взрослых» текстах. Так, финал стихотворения «Я пел теперь я стрел...» перекликается с финалом «Бесов», равно как и весь предшествующий текст (с поправками на то, что снег у Хармса заменен песком, а образы бесов – «хором Бедуинов и архангелов», вносящем в текст драматургический элемент):

Одинокий Бедуин:

*и птичка там в песок попала
в верх животиком летит
и птичка бедная пропала
даже конь мой не глядит*

Хор:*Эх ухнем по песку**расшвыряем глупую тоску!*

[8, с. 357]

Итак, пушкинские мотивы во взрослой лирике Хармса, как и в текстах Введенского, становятся фундаментом для выражения наиболее важных для поэта тем, в частности, тем страха, смерти и сумасшествия. Повторяемая рефреном реплика хора как бы с помощью прямой речи воспроизводит «визг жалобный и вой» пушкинских бесов. Отрицая общепринятый образ Пушкина-памятника, Хармс обращается к его образам в своих серьезных текстах, тем самым обозначая ту неразрывную вневременную связь поэтов, о которой сказано в упомянутом «Где. Когда».

Литература

1. Буров С. Г., Ладенкова Л.С. Александр Введенский: равнение на смерть. – СПб.: Петрополис, 2017. – 312 с.
2. Введенский А.И. Полное собрание произведений: В 2 т. – М.: Гилея, 1993. Т. 1 – 288 с. ; Т. 2 – 272 с.
3. Декларация ОБЭРИУ / Ванна Архимеда: Сборник. – Л.: Худ. лит., 1991. – С. 456–463.
4. Друскин Я.С. Коммуникативность в творчестве Александра Введенского // Театр. – М., 1991. – № 11. – С. 80–94.
5. Ичин К. Заметки к разбору «Элегии» А. Введенского // WienerSlawistischerAlmanach. Wien, 2002. Bd. 50. – S. 217–227.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
7. Пушкинские чтения в Тарту 2: Материалы международной научной конференции 18–20 сентября 1998 г. – Тарту, 2000.
8. Хармс Д.И. Век Даниила Хармса. – М.: Зебра Е, 2009. – 910 с.

M. N. Batrdok, A. G. Miroshnikov**PUSHKIN'S TRACE IN THE TEXTS OF ALEXANDER
VVEDENSKY AND DANIIL KHARMS**

Abstract. The article dwells on functioning of Pushkin's image in works of Vvedensky and Kharms. The article also considers the cases of using allusions to Pushkin's texts.

Keywords: Russian literature; A. S. Pushkin; OBERIU; A. Vvedensky; D. Kharms.